

В.И. Масловский

«И скучно и грустно»

«И скучно и грустно» (1840) — одно из наиболее характерных для мироощущения Лермонтова стихотворений. По видимости близкое к дневниковой записи сиюминутного душевного состояния, имитирующее свободное движение мысленных ассоциаций, оно обладает внутренней завершенностью, которая отграничивает неупорядоченный фрагмент душевной жизни, «живьем» перенесенный на бумагу, от цельности художественного произведения. Завершенность создается прежде всего центростремительным тяготением всех мыслимых «срезов» произведения к некоему единому принципу, обусловленному романтическим типом мышления Лермонтова, — принципу контраста, антитезы. Именно антитетичность определяет упругую напряженность всей стиховой конструкции.

Поэт обращается к понятиям мировоззренчески глубоко значимым для него — «желанье», «любовь», «прошлое» («след»), «страсти». О постоянстве этих мыслей-мотивов говорит и их афористичная законченность («что пользы напрасно и вечно желать», «вечно любить невозможно», «жизнь... — такая пустая и глупая штука»). Однако появление подобных сентенций мотивировано не логикой развития единой мысли, а психологически ассоциативной природой погруженного в себя размышляющего сознания. Воспользовавшись, по выражению Мандельштама, динамикой «упоминательной клавиатуры», Лермонтов погружает остывшие, отвердевшие мыслью афористичные формулы в тепло текущей душевной жизни. Неизбежные при этом смысловые разрывы и паузы поэт передает отточиями (7 на 12 строк) — прием в других (редких для Лермонтова) случаях носящий, как правило, эмоционально-экспрессивный характер (ср. также «Завещание», 1840).

«Разомкнутости» построения (цепочка как бы произвольно всплывающих мыслей) противостоит устойчивая симметрия двух начал — «вопрошающего» и «отвечающего», жестко скрепляющих стихотворение единой интонацией «диалога с самим собой». Клубящаяся и неоформленная «материя» души откристаллизовалась в несопрягаемой крайности двух полюсов — утверждающего и отрицающего. Утверждение связано со стремлением истерзанной бореньем дум и чувств личности «прислониться» к чему-то позитивно сущему; отрицание — с невозможностью обрести его на просторах человеческого бытия. Поэт безуспешно пытается найти опору в тех обольщениях жизни, которые столь ценны были для него прежде, в желаниях, любви, страстях, незабвенности прошлого, и в итоге, вопреки своим же, не раз повторяемым словам о «жажде бытия», — отвергает саму жизнь.

«И скучно и грустно» — одновременно и «документ» мироощущения исторического человека (Россия, 1830-е гг.) и «памятник» романтического мышления. Возможность наглядно увидеть их сочетание (подчас переходящее в полемику) дает своеобразная элегическая форма стихотворения, объединившая, вразрез с поэтической традицией, черты и политической, и философской, и любовной элегии одновременно. Для романтического мышления «каждая точка жизни» (Н. Станкевич), в том числе свершающееся «здесь, сейчас», обретает значимость лишь освещенная ровным бестрепетным светом вечности: его бледный отблеск падает на данный миг; ограниченный отрезок времени оценивается в перспективе бесконечности; мимолетное настоящее стремится сочетаться с прошлым. Параллельно раздвигается диапазон чувствований «я» — оно хочет привести их к недостижимому в быстротечной жизни абсолюту (страсти, не подверженные разрушению холодным умом; любовь, побеждающая время).

Контраст «сейчас» первого двустишия со «всегда» последнего выступает в то же время контрастом чувства («минута душевной невзгоды») и мысли («с холодным

вниманьем вокруг») — смысловая разность уравнивается (и в силу этого особо подчеркнута!) общностью их мелодического начала. Свое переживание поэт не изобразил, а передал концептуализировано («нагое слово»); непосредственное чувство, заявленное в начале, использовано лишь как эмоциональный толчок мысли. С этим связан и ритмический рисунок стихотворения. Элегически-напевное начало с третьей строки отступает (чтобы вернуться в последнем двустопии), так как на правильный размер (разностопный амфибрахий) накладываются паузы, диктуемые смыслом («Любить... но кого же? на время — не стоит труда»), мелодический принцип противостоит и подчиняется логическому. Наконец, следует отметить антитезу простого, «прозаического» слова и «высокости» трагического одиночества лирического героя.

«Отрицательный смысл», заключенный в элегии, попал в самую болезненную точку времени, стал аргументом в идеологическом споре об отношении художника к действительности. А. Никитенко порицал стихотворение за «траурные узоры» («Сын Отечества», С. Бурачок — за безверие, С. Шевырев — за то, что оно являет собой случайный, «мгновенный плод... мрачной хандры»). Но именно к всеотрицающему пафосу элегии с глубоким сочувствием отнесся Белинский. Причислив ее к «величайшим созданиям поэзии», он утверждал в противовес Шевыреву: «это не минута духовной дисгармонии», а «похоронная песня всей жизни», оправданная самой реальностью.